

Книги Алистера Макграта делают мою работу крайне сложной.

Ричард Докинз

Я физик и много лет посвятил исследованию теории квантового поля, многие считают меня закоренелым атеистом, но это не так. И сейчас, когда эта книга у меня в руках, я могу сказать, что мои взгляды полностью совпадают с взглядами Алистера Макграта.

*Эфраим Цхак,
профессор, специалист
по квантовой физике, Израиль*

Эта книга выражает потребность человечества в Боге. Невозможно, даже обладая всеми научными знаниями, объяснить, как мы с вами тут оказались и что было до того, как это случилось. И прекрасно, что именно истинный ученый, блестяще эрудированный и образованный человек — Алистер Макграт, взял на себя труд дать достойный отпор воинствующим атеистам...

*Кэтрин Томпсон,
профессор-физик, Чикаго*

Вот книга, в которой встречается мощь и красота научного мышления с великолепием Божьего творения!

*Саймон Конвей Моррис,
профессор биологии, Кембридж*

Алистер Макграт сделал то, что можно и нужно было сделать давно, — помирил науку и веру! Он проделал удивительную работу, пытаясь доказать, что в науке мы не можем идти дальше, не заглядывая в Библию. И да, он совершенно прав — Дарвин никогда не был атеистом!

*Сильвия Бэкхем,
биолог, Кливленд*

ЗОЛОТОЙ
ФОНД
НАУКИ

АЛИСТЕР МАКГРАТ

КТО ИЗОБРЕЛ ВСЕЛЕННУЮ?

СТРАСТИ ПО БОЖЕСТВЕННОЙ
ЧАСТИЦЕ В АДРОННОМ КОЛЛАЙДЕРЕ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ О НАУКЕ, ВЕРЕ
И СОТВОРЕНИИ МИРА

ПРАЙМ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 001.5
ББК 72.3
М15

*Все права защищены. Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было
форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

Печатается с разрешения издательства Hodder & Stoughton Limited.

Alister McGrath
**INVENTING THE UNIVERSE:
WHY WE CAN'T STOP TALKING ABOUT SCIENCE, FAITH AND GOD**

First published in the English language by Hodder & Stoughton Limited.

Макграт, Алистер.

М15 Кто изобрел Вселенную? Страсти по божественной частице в адронном коллайдере и другие истории о науке, вере и сотворении мира / Алистер Макграт. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 349, [1] с. — (Золотой фонд науки).

ISBN 978-5-17-098307-0

Бозон Хиггса или Божественная частица? Теория Большого взрыва или библейское сотворение мира? Теория происхождения видов Чарльза Дарвина или Божественное творение? Наука или религия?

Ученый, доктор молекулярной биофизики и, по совместительству, профессор богословия Оксфордского университета, коллега и интеллектуальный оппонент Ричарда Докинза, Алистер Макграт считает, что это противостояние давно устарело. Его новая блестящая и убедительная работа, которую по праву высоко оценили ведущие ученые умы мира, читается на одном дыхании, она поможет вам увидеть удивительные связи между поворотными открытиями в астрофизике, биологии, геномной инженерии, медицине и достижениями в теологии, обогатить и укрепить ваши взгляды на мир и место человека во Вселенной.

Макет подготовлен редакцией

ISBN 978-1-44-479847-0 (англ.)
ISBN 978-5-17-098307-0

© Alister McGrath, 2015
© Бродоцкая А.,
перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Оглавление

От удивления к пониманию.

Начало пути	9
Восторженное изумление — путь к пониманию	11
Почему нам не уйти от последних вопросов бытия ...	14
Обогащенное понимание реальности	20
Вера и величие природы	25
Великий миф. Извечное «противостояние» науки и религии.	30

Истории, картины, карты.

Поиски смысла	44
Смысл и главные вопросы	47
Наука не имеет отношения ни к теизму, ни к атеизму. Это просто наука.	49
В поисках понятности и логичности.	53
Истории о науке и религии.	56
Критика нарратива противостояния	63
Различные карты реальности	74
Различные уровни реальности	77
Различные нарративы о реальности.	79

Теория, данные, доказательства.

Откуда мы знаем, что правда, а что нет?	84
Человеческое стремление к уверенности.	85
Теории в науке. Видеть все как есть	89
Частный случай. Модели Солнечной системы	92
Данные, доказательства и вера в науке	97
Частица веры. Бозон Хиггса.	102
Теории в религии. Найти смысл жизни.	105
Вера как изменение образа мысли	108

Возвращение к вере. Г. К. Честертон и К. С. Льюис	110
Наука и религия. Можем ли мы доказывать теории.	115

Изобретение Вселенной.

Наш странный мир	122
Начало времен	123
Странная рациональность космоса.	130
Почему так странно, что во Вселенной есть жизнь	139
Критики креационизма. Стивен Хокинг и Лоуренс Краусс	143
Что есть вечность?	151

Дарвин и эволюция.

Новые вопросы о вере и науке	156
Контекст дарвиновской теории эволюции.	157
Теория эволюции Дарвина. Основные темы	162
Религиозное значение идей Дарвина	169
Легенда о конференции Британской ассоциации в Оксфорде в 1860 году	176
Социальный дарвинизм. Проблема евгеники.	181
Трения между дарвинизмом и христианством	186

Душа.

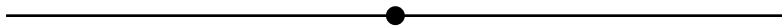
Что значит быть человеком	198
Упрощенно-физический подход. Люди как атомы и молекулы.	199
Упрощенно-генетический подход. Пляски под дудку ДНК?	202
Существует ли душа?	207
Почему мы не можем перестать говорить о Боге	210
Почему движению гуманистов стоит сменить название	217
Темная сторона человеческой природы	222

Когда наука служит злу	229
Когда религия служит злу	233
Выйти за пределы? Изменить свою природу?	239
Поиски смысла и границы науки	246
Всесильна ли наука?	247
Главные вопросы бытия. Зачем нам ответы?	249
Зачем нам нужен смысл.	263
Неудачная альтернатива.	
Сциентизм и смысл жизни	266
Смысл и натурализм	271
Эмпирическая этика?	
Наука и мораль	280
Может ли наука быть основой морали?	282
Сэм Харрис об этике и науке	285
Эволюционная психология и этика.	293
Рациональная этика? Пределы разума.	299
Наука и вера. Осмысление Вселенной — осмысление жизни	308
Переплетение историй о реальности	313
Не изобретаем ли мы Вселенную? Что это — ясное понимание или игры фантазии?	317
Рациональная религия. Где же тайна?	319
Неоправданный синтез?	
Почему я не смешиваю науку с религией.	322
Как религия обогащает научный нарратив	326
Проблема «сейчас». Наука и субъективность.	331
Ночная тишь. О созерцании небес.	337
Заключение	343
Дополнительная литература	346

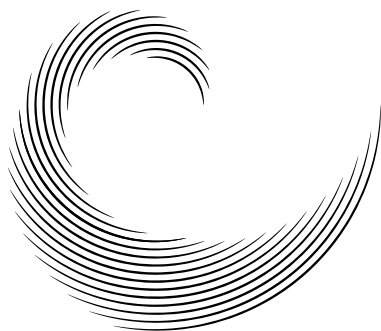
*Памяти великого наставника
Чарльза А. Колсона (1910–1974),
Болловского профессора математики
в Оксфордском университете (1952–1972),
профессора теоретической химии
в Оксфордском университете (1972–1974).*

От удивления
к пониманию

Начало пути

Большинство из нас прекрасно знает, как замирает сердце в восхищении красотой и величием природы. Помню, как в конце семидесятых мне пришлось проехать по всему Ирану. Я ехал ночным автобусом через обширную пустыню между Ширазом и Керманом, и недужный двигатель наконец совсем заглох. Пока водитель его чинил, мы вышли на воздух. Мне никогда в жизни не доводилось видеть таких звезд, как в ту ночь — блистательных в своей торжественной неподвижности на темном безмолвном просторе. Словами не выразить, какое неодолимое благоговение охватило меня в ту ночь — восхищение, изумление и любопытство. Когда я вспоминаю ту поездку по пустыне, у меня до сих пор бегут мурашки по коже от восторга, хотя прошло уже очень много лет.

Восторженное изумление — путь к пониманию

Для некоторых это ощущение чуда, которое Альберт Эйнштейн называл «восторженным изумлением»*, и есть конечная цель. Такой точки зрения придерживались многие романтические поэты. Великий немецкий романист и поэт Гете на склоне лет заявил, что удивление и восхищение для него — главное в жизни: достигнув ощущения чуда, не нужно больше ничего искать, не нужно идти ни дальше, ни глубже, надо наслаждаться самим этим чувством как оно есть**. Но для многих из нас это не главное, не конец пути, каким бы приятным ни было подобное чувство — это лишь отправная точка, начало пути исследований и открытий.

Это ощущение чуда было знакомо и великому греческому философу Аристотелю. Для него это был призыв к исследованию, к изучению нового, чувство, которое расширяет горизонты, углубляет понимание и открывает глаза***. Как сказал когда-то великий средневековый философ Фома Аквинский****, это удивление порождает *desiderium sciendi* — «страстное

* *Albert Einstein*, «Religion and Science». В кн.: «Ideas and Opinions», New York: Crown Publishers, 1954, p. 38.

** *Johann Peter Eckermann*, «Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens», 3 vols, Leipzig: EA. Brockhaus, 1836, vol. 2, p. 50.

*** *Aristotle*, «Metaphysics», 982b. См. также *Plato*, «Theaetetus», 154b–155c. Познавательные рассуждения на ту же тему можно найти в статье *Jerome Miller*, «In the Throe of Wonder», Albany: State University of New York Press, 1992, pp. 11–52.

**** *Thomas Aquinas*, «Summa Theologiae Iallae» q. 32, a. 8. Обсуждение этой темы см. в работе *Reinhard Hüter*, «Dust Bound for Heaven: Explorations in the Theology of Thomas Aquinas», Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2012, pp. 244–6.

желание узнать», а исполнение этого страстного желания приносит не только понимание, но и радость.

Этот путь открытий требует и воображения, и логики и ведет не в новые места, а к новому способу смотреть на вещи. На нем нас ждут два приобретения. Во-первых, это наука — одно из самых значительных достижений человечества, приносящее больше всего удовлетворения. В детстве я хотел изучать медицину. В этом был смысл. В конце концов, мой отец был врачом, а мать — медсестрой. Когда я поделился своими карьерными планами с двоюродным дедом, который заведовал отделением общей патологии в одной из ведущих клинических больниц Ирландии, он подарил мне старый микроскоп. Оказалось, что это ворота в новый мир. Я принялся увлеченно изучать мелкие растения и клетки, которые обнаружил в капле воды из лужи на предметном стекле, и во мне пробудилась любовь к природе, которая ничуть не угасла и по сей день. Кроме того, я пришел к убеждению, что хочу знать и понимать природу. И решил стать не врачом, а ученым.

Мне не пришлось пожалеть об этом решении. С пятнадцати лет я сосредоточился на химии, физике и математике. Получив стипендию в Оксфорде по специальности «химия», я стал специализироваться по квантовой теории. Диссертацию я написал там же, в Оксфорде, на основании исследований, которые вел в лабораториях профессора сэра Джорджа Радда, где я разрабатывал новые методы изучения сложных биологических систем. А тот старый латунный микроскоп так и стоит на моем рабочем столе, напоминая о своей судьбоносной роли в моей жизни.

Но хотя я с ранних лет любил науку, меня никогда не покидало чувство, что в ней чего-то недостает. Она

помогает нам понять, как что устроено, как работает тот или иной механизм. Но что все это значит? Наука дала мне исчерпывающий ответ на вопрос, откуда я взялся в этом мире. Однако она не могла ответить на другой, более важный вопрос: зачем я здесь? Какова цель жизни?

Наука прекрасно умеет ставить вопросы. На одни можно ответить сразу же, на другие — только в будущем, когда будет достигнут определенный научно-технический прогресс, на третьи, возможно, мы так и не сможем ответить: сэр Питер Медавар (1915–1987), которому я стремлюсь подражать как ученый, называл их «вопросами, на которые наука ответить не может и не сможет ни при каких мыслимых достижениях научно-технического прогресса»*. Медавар имел в виду то, что философ Карл Поппер называл «последними вопросами бытия» — например, смысл жизни. Так что же, если мы признаем, что эти вопросы существуют, и займемся ответами на них, то отринем науку? Нет. Мы просто с уважением отнесемся к ее границам и не станем силой превращать ее из науки во что-то иное.

* *Peter Medawar*, «The Limits of Science», Oxford: Oxford University Press, 1987, p. 66.

Почему нам не уйти от последних вопросов бытия

Разобраться, что к чему, попытался испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955). *Ученые тоже люди*. Если мы как люди хотим жить полной жизнью, нельзя ограничиваться однобокими представлениями о реальности, которые обеспечивает наука. Нам нужна «общая картина», «объединенная идея Вселенной». В юности я понимал, что нужен какой-то «обобщенный нарратив», обогащенная версия реальности, в которой слились бы воедино понимание и смысл. Найти его я не сумел. Тогда я решил, что то, что ускользало от меня, попросту иллюзорно. Однако сама мысль об этом не давала покоя ни разуму, ни воображению. Наука чудесно умеет объяснять, но не смогла удовлетворить более глубокие стремления человечества, ответить на более глубокие вопросы.

Для научной истины характерны точность и непреложность предсказаний. Однако за эти восхитительные качества науке приходится платить тем, что она остается на уровне вторичных соображений, не затрагивая главных, определяющих вопросов*.

Любая жизненная философия, любой подход к размышлениям о действительно важных вопросах, согласно Ортега-и-Гассету, неизбежно выйдут за пределы

* José Ortega y Gasset, «El origen deportivo del estado», «Citius, Altius, Fortius» 9, no. 1–4, 1967, pp. 259–76; цит. на p. 259.

науки — не потому, что наука в чем-то ущербна, а именно потому, что ее интеллектуальные достижения имеют свою цену: наука приносит такие замечательные результаты, потому что сосредоточена на своих конкретных методах.

Для Ортеги-и-Гассета величайшее интеллектуальное достоинство науки состоит в том, что она знает свои пределы. Она отвечает только на те вопросы, на которые, как ей известно, может ответить на основании своих данных. Однако человеческая любознательность стремится дальше. Мы чувствуем, что нам нужны ответы на более глубокие вопросы, которые мы вынуждены задавать. Кто мы на самом деле? В чем смысл жизни? Как верно заметил Ортега-и-Гассет, мы, люди, и ученые, и нет, не можем жить без ответов на эти вопросы, пусть даже временных, на скорую руку. «Нам нет спасения от последних вопросов бытия. Так или иначе они в нас укоренены — независимо от нашего желания. Научная истина точна, но неполна». Нам нужен обогащенный нарратив, сочетающий в себе и понимание, и смысл. Именно об этом писал американский философ Джон Дьюи (1859–1952), когда заявлял, что «глубочайшая проблема современной жизни» — то, что мы не смогли объединить свои «размышления о мире» с размышлениями о «ценностях и цели»*.

Итак, мы возвращаемся к неотвязному, будоражащему чувству удивления миром. Как мы видели, в науке оно, в частности, приводит к попыткам понять, как устроен мир вокруг нас. Но не только к этому. Именно второму его аспекту я и сопротивлялся поначалу, поскольку был убежден, что это полное противоречие науке.

* *John Dewey*, «The Quest for Certainty», New York: Capricorn Books, 1960, p. 255.